

— Пошли, пошли, пойдём поедим, — увидев, что он вернулся, Ван Ши потащил его на выход.

Лян Циншэн ответил:

— Я только что поел.

— Мы же договорились сегодня вечером посидеть где-нибудь нормально? Какого чёрта ты уже наелся? — завыл Люй Гэ.

— Точно-точно, мы тут с самого утра голодные...У-у-у, какая боль, — Шэнь Хэ скривил плаксивую физиономию, его юношеский голос звучал невероятно притягательно.

— Ладно-ладно, угощаю вас, — настроение Лян Циншэна немного улучшилось благодаря им. Как в случае с ритуалом расставания: сначала нужно как следует напиться, и только потом можно считать, что с прошлым покончено навсегда.

Хотя волнения в сердце Лян Циншэна уже постепенно улеглись, глядя на то, как они напиваются в стельку — готовые ради товарища на всё, — он невольно улыбнулся.

Если сложить их способность пить, до его уровня всё равно не дотянет.

А видя, как они режут горше его самого, он улыбнулся ещё шире.

В конце концов, когда они уже за полночь вернулись в общежитие и стали стучать в дверь, им досталось на орехи от вахтёрши — на часах было уже за три часа ночи.

Помылись, умылись — было около четырёх, и только тогда парни наконец легли спать.

Лян Циншэн выпил, спал крепко и совершенно забыл, что на следующий день собирался навестить человека в больнице. Проспав до полудня, до двенадцати с лишним часов, он всё ещё чувствовал, что не выспался, и если бы не звонок Цы Ханьсуна, наверняка спал бы дальше.

Шаря рукой в поисках телефона, который непрерывно трезвонил, Лян Циншэн прищурился, нажал кнопку ответа и бросил аппарат прямо себе на лицо, даже не глядя, кто там, и снова закрыл глаза.

— Алло, — из-за вчерашней выпивки голос звучал до крайности хрипло, со смесью только что пробудившейся сонливости.

Для Цы Ханьсуна это прозвучало странно сексуально.

Его мрачное до этого настроение немного отпустило, заготовленные язвительные слова застряли в горле, и он заговорил своим привычным холодным тоном:

— Лян Циншэн.

Лян Циншэн вроде бы проснулся, но голова ещё не соображала. В этот момент он совершенно не мог разобрать, кто звонит, и прямо спросил:

— Ты кто вообще?

Тон был не из приятных.

Цы Ханьсун облизнул губы, чуть сильнее сжал в руке телефон, и голос его стал чуть ниже:

— Твой муж.

— ... — Лян Циншэн окончательно проснулся.

Он сел на постели, помассировал шею, нахмурился, бросил взгляд на время и выдавил охрипшим горлом:

— Извини, вчера слишком поздно пил, проспал.

Цы Ханьсун поджал губы, помрачнел — было очевидно, что его настроение испорчено, — и постарался подавить бушующую внутри злость:

— Ого. Я тут помираю с голоду.

— Сам не можешь доставку заказать? — бросил Лян Циншэн, одновременно с этим сползая с кровати и наугад вытаскивая из шкафа какую-то футболку, чтобы натянуть её.

— Ты же обещал навестить меня, я хочу то, что принесёшь ты, — голос из трубки лишился холодных ноток, в нём осталась лишь какая-то послушная, жалобная интонация.

Лян Циншэн на мгновение замер на месте, передумал и принялся переодеваться в другое, после чего негромко произнёс:

— Жди.

Сбросив вызов, Цы Ханьсун принялся теревить собственные пальцы. Волны ревности

захлёстывали его с головой: неужели Лян Циншэн настолько любит Фэн Ли, раз даже ходил топить горе в вине?

Как же бесит, как же бесит! Почему Лян Циншэн не любит его?

Лян Циншэн поймал такси до больницы, купил им обоим завтрак и, подойдя к палате, сначала постучал.

Цы Ханьсун поднял голову. Увидев его, он даже не позвал войти, а просто молча смотрел на него.

Лян Циншэну пришлось самому толкнуть дверь. Заметив, что вчерашней маленькой пациентки и её мамы больше нет, он не удержался от вопроса:

— А где та девочка, что была вчера?

— Выписалась, — небрежно бросил Цы Ханьсун, хотя правдивости в его словах не было ни на грош.

Это он сам заплатил, чтобы их перевели в другую палату.

— Давай завтракать, — Лян Циншэн не стал допытываться. Еда была из той же вчерашней забегаловки, вот только на этот раз Лян Циншэн выбрал исключительно лёгкие блюда.

Цы Ханьсун тут же потерял всякий интерес к еде, но в то же время почувствовал странную радость. Они молча ели, как вдруг в дверь постучали.

На пороге стоял курьер в жёлтой куртке, звонким голосом осведомившись:

— Это здесь заказывали чай?

— Я, — Цы Ханьсун принял из его рук свёрток с чаем из жимолости и протянул Лян Циншэну.

Лян Циншэн удивленно посмотрел на него. В руках он держал тарелку с едой, брать чай не стал и спросил:

— Чего это?

Выражение лица Цы Ханьсуна оставалось бесстрастным:

— Разве ты не пил вчера? Сегодня, когда мы созванивались, я услышал, что у тебя сорван голос. Поискал в интернете, пишут, что чай с жимолостью хорошо смягчает горло. Я заказал его тебе, если не хочешь пить — выкинь.

Видя, что тот всё ещё не берёт пакет, он просто поставил его на тумбочку рядом, отвернулся и продолжил хмуро есть.

Лян Циншэн был искренне удивлен. В конце концов, они были знакомы совсем недолго, да и раньше никто о нём так не заботился: если у тебя саднило горло, максимум посоветуют попить горячей водички, кто станет специально покупать средства для смягчения голоса?

— Спасибо. Добью еду и выпью, — он не был неблагодарным человеком; раз уж человек специально для него заказал, нельзя же просто промолчать и не сказать спасибо.

Если честно, в душе Лян Циншэна всё же шевельнулось какое-то чувство, ведь никто и никогда раньше не делал для него ничего подобного. Даже тот же Фэн Ли обычно сыпал сладкими, красивыми словами, но на деле о заботе чаще приходилось думать самому Лян Циншэну, это ему вечно приходилось возиться с ним и угождать.

Цы Ханьсун, казалось, вовсе не слушал, продолжая уплетать еду, и в палате вновь повис лишь тихий звук пережёвываемой пищи.

Покончив с завтраком, Лян Циншэн убрал мусор, открыл ещё теплый чай и сделал пару глотков. Вкус ему не особо понравился — странноватый, но то ли сказывалось самовнушение, то ли чай действительно помогал, саднящее горло и правда отпустило.

— Сегодня больше не нужно капельницы ставить? — поинтересовался Лян Циншэн.

— Утром уже поставили, — Цы Ханьсун взял стоявшую рядом бутылку с минеральной водой, попытался открутить крышку, но та, похоже, не поддавалась, и он протянул бутылку Лян Циншэну. Лян Циншэн невольно усмехнулся от его слов, остановившись у кровати. Сложив руки на груди и склонив голову, он с игривой улыбкой посмотрел на него, обнажив ряд белоснежных зубов:

— Не можешь открыть?

Цы Ханьсун спокойно глянул на него:

— Да, не могу.

— Черт. — Лян Циншэн хмыкнул. Он впервые слышал подобное от мужчины, да еще и ростом почти метр восемьдесят.

Хотя Лян Циншэн нашел это забавным, он все же взял бутылку минералки. Стоило ему ее чуть повернуть, как стало ясно — никаких усилий прилагать не требовалось, ведь Цы Ханьсун ее уже открутил. Взгляд Лян Циншэна едва заметно дрогнул, когда он встретился глазами с этим мужчиной в очках и больничной пижаме.

Лицо Цы Ханьсуна сегодня выглядело гораздо лучше, чем вчера: жар спал, губы порозовели, а выражение лица... если выразиться мягко, было отстраненным, а если грубо — пресным.

Он взял протянутую Лян Циншэном воду, припал губами к горлышку и сделал несколько глотков. Чуть запрокинув голову, он обнажил белую точеную шейку, а его кадык соблазнительно и отчетливо задвигался.

— А так не слаще? — не удержался от подначки Лян Циншэн, слегка приподняв брови, а его раскосые глаза наполнились смешинками.

Губы Цы Ханьсуна увлажнились от капель воды. Он смахнул языком влагу с уголка рта и протянул бутылку:

— Хочешь попробовать?

Он поднес к нему ту самую бутылку, из которой только что пил.

Воздух на мгновение замер. Улыбка Лян Циншэна застыла, уголки рта дернулись. Они смотрели друг другу в глаза, и казалось, будто между ними искрит что-то раскаленное.

Видя, что тот не двигается, Цы Ханьсун приподнялся на постели. Одной рукой зажав бутылку, а другой ухватив Лян Циншэна за руку, он встал на колени прямо на матрасе и, подавшись вперед, поцеловал его в губы.

Движения его были неторопливыми, но Лян Циншэн не стал отстраняться, позволяя себя поцеловать. Прохладный влажный кончик языка скользнул сквозь щель между его губами.

Персиковые глаза за стеклами очков встретились с его темным, непроницаемым взглядом. Цы Ханьсун легко прихватил губами его губы и отстранился.

Стоя на коленях на больничной койке, Цы Ханьсун был вынужден чуть приподнять подбородок, чтобы смотреть на него:

— Почему ты не оттолкнул меня?

Лян Циншэн пальцем стер с губ влагу, перехватил из рук Цы Ханьсуна бутылку — он все это время держал пластиковую крышечку в ладони — плотно закрутил ее и лишь после этого

небрежно бросил:

— С какой стати мне отталкивать тебя?

Он вынужден был признать: Цы Ханьсун появился слишком вовремя. Как раз в тот момент, когда их отношения с Фэн Ли дали трещину, этот человек ворвался в его жизнь с неумолимой силой сокрушительного торнадо.

Из-за его вторжения Лян Циншэн даже не успел толком поразмыслить, не было ли в их разрыве с Фэн Ли и его собственной вины, какой-то недомолвки с его стороны, что и толкнуло Фэн Ли на предательство.

Цы Ханьсун не оставлял ему времени на лишние раздумья, полностью завладев его вниманием.

И всё же нельзя сказать, будто он сильно привязался к Цы Ханьсуну — они были знакомы всего ничего и почти ничего друг о друге не знали.

Но после той интимной связи они уже не могли общаться как простые знакомые, сохраняя чистые дружеские отношения, да и сам взгляд Цы Ханьсуна не оставлял сомнений.

Тот вовсе не собирался ограничиваться ролью простого платонического друга.

Наверное, в каждом мужчине заложено что-то порочное, и новая страсть действительно порой служит лучшим лекарством, чтобы забыть старую.

Поэтому он и не оттолкнул его.

Строго говоря, Лян Циншэн и сам считал себя не лучше.

При этом он не тешил себя иллюзиями, будто Цы Ханьсун воспылал к нему искренними чувствами — до этого они едва ли парой слов обмолвились. Но какими бы ни были мотивы Цы Ханьсуна, Лян Циншэну было всё равно.

— Ты... — выражение лица Цы Ханьсуна казалось слегка удивленным, ведь прежде тот отвергал его столь сурово.

— Что ты имеешь в виду? — он всё ещё держал его за плечо, слегка сдвинув брови, и смотрел пронзительно.

— А что я по-твоему имею в виду? — Лян Циншэн стоял на месте, не двигаясь, лишь насмешливо приподнял бровь, перекладывая мяч обратно на его половину поля.

Брови Цы Ханьсуна разгладились, уголки глаз и губ тронула улыбка, теплая, как весенний ветерок. Светлые губы чуть изогнулись, колени подались вперед, и он обнял Лян Циншэна за шею.

Их носы практически соприкасались. В переплетении их дыханий Цы Ханьсун спокойно и счастливо заглянул ему в глаза, и прямо во время поцелуя с губ сорвались слова:

— Любовники на одну ночь или парни?

Лян Циншэн притянул его за талию, прижал ладонью затылок, чуть наклоняя к себе, и выронил в промежутке между поцелуями:

— Как хочешь.

Два незнакомых языка сплелись воедино в мягком, затяжном кружении.

Лян Циншэн чувствовал себя в этот момент настоящим подонком: всего три дня прошло после расставания, а он уже без шовов перескочил к новым отношениям. К тому же — с партнером на одну ночь, который к тому же приходился соседом по комнате его бывшему.

Он не отрицал, что в самом решении сойтись с Цы Ханьсуном был и этот скрытый подтекст — то самое щекочущее нервы желание из-за того, что тот был соседом Фэн Ли.

Позволяя Цы Ханьсуну плыть по течению и принимая его ухаживания наполовину охотно, наполовину сопротивляясь, он решил сохранить эту двусмысленность. Это походило на то, как правильный, честный до мозга костей человек вдруг решает пуститься во все тяжкие и испытать совершенно другую жизнь.

Он вовсе не верил, что их связь продлится долго. Цы Ханьсун был во всех отношениях лучше Фэн Ли, а значит, и планка у него была выше. Если уж Фэн Ли презрел его ради измены, то Цы Ханьсун и подавно сочтет его недостойным.

Что же до причин, по которым Цы Ханьсун так упорно вился вокруг него, Лян Циншэн насчитал ровно три варианта.

Первый — он знал, что Лян Циншэн был парнем Фэн Ли, их отношения не клеились, и Цы Ханьсуну просто хотелось ему насолить.

Второй — из-за того, что Лян Циншэн постоянно его отталкивал, ведь недоступное всегда кажется особенным.

Третий — возможно, ему банально понравилось то, как Лян Циншэн проявляет себя в постели,

по крайней мере, тот сам об этом заявлял.

Для самого же Цы Ханьсуна все эти три причины имели значение, но не исчерпывали всего. На самом деле он заметил Лян Циншэна еще до того, как узнал, что тот встречается с Фэн Ли.

Нельзя было назвать это любовью с первого взгляда, но образ прочно засев в памяти, не давал покоя долгие дни. Не расстанься те двое сейчас, он, пожалуй, вполне мог бы пойти на ухищрения и влезть в их отношения третьим лишним. А уж заполучив желаемое, он и вовсе не собирался останавливаться.

<http://bllate.org/book/21585/2224499>